

ПАТЕФОН

Пармезанов проводил Бабушку, разлёгся на кухонном диване и пощёлкал пультом. Наконец-то можно спокойно посмотреть телевизор.

— Ай, не толкайся! Снежа, смотри, наш тайный ход пропал! — раздалось за сеткой. — Пых-пых-пых! Всё! Теперь у нас нет входа.

Пармезанов хихикнул. Сейчас потыкаются носом и пойдут безобразничать в другое место.

— Какая ерунда! И ежу понятно, что безвыходных ситуаций не бывает. Так же как и безвыходных. — Сетка затряслась. Послышались хруст, чавканье.

Потом Снежа разворчалась:

— Фто ты фмотришь? Тьфу! Помогай! По-твоему, я одна должна жевать эту гадкую сетку?

— Хрум-хрум-хрум! Тьфу! Хрум-хрум! Тьфу-тьфу!

Тайный ход был мастерски прогрызен в другом углу рамы, и в него просунулась мордочка Герды:

— Привет, Кузя! Тьфу! Какая у вас невкусная сетка.

— Да, принеси нам конфеток. Тьфу-тьфу-тьфу! И побольше! — потребовала Снежа, едва появившись на кухне. — Ваша сетка ужасно противная.

Пармезанов вздохнул и пошёл к буфету.

Дожёвывая конфету, Снежа рассматривала кухонные полки:

— Ничего подходящего для интеллектуальных игр.

— Игр? — обрадовался Пармезанов. — Каких игр?

— Интеллектуальных. В которых думают, а не бегают.

— Давайте лучше в прятки играть! После прятков никакая уборка не нужна. — Пармезанов покосился на разбросанные фантики.

— После интеллектуальных игр она тоже не нужна, — успокоила его Снежа. — Вот где у вас хранятся старые вещи?

— Там, где мы вчера водили. — Пармезанов быстро сгреб фантики под буфет и повел ежей в коридор. — Вот.

Это кладовка. Тут много вещей. Старых и не очень старых.

— Ура! — пискнула Герда. — Чур, я главный кладовкоискатель!

— Нет, я! Я сейчас такое найду, что тебе и не снилось!

В тусклом свете небольшого окна виднелись полки, забитые всякой всячиной. Ёжики, перелезая с полки на полку, заглядывали в коробки и старые чемоданы, рылись в корзинах и запылённых ящиках. Они гремели, шуршали, громко чихали и наперебой хвастались:

— А я нашла краски и кисточки! — слышался Снежин голосок с верхней полки. — Можно в художников играть!

— Ура-ура-ура! Смотрите, тут настоящая швейная машинка! И две коробки ниток! Завтра себе чепчик сошью! — попискивала Герда.

— Чепчик? Ерунда твой чепчик! Я нашла настоящий патефон! — Снежа

пританцовывала на красном чемодане, стоявшем под нижней полкой. — Наша бабуля Снежинка про него рассказывала. Он музыку играет и поёт.

— Ой, дайте, дайте мне посмотреть на платифон! — примчалась Герда.

Они втроем подняли потёртую крышку чемодана, и Пармезанов испугался, увидев острую иглу на конце блестящей изогнутой трубки:

— Миу! Это что, чемодан для прививок?

— И ежу понятно, что не для прививок! — фыркнула Снежа. — Видишь малиновый круг? Нужно положить на него пластинку, опустить иглу, и пластинка начнёт песни петь!

— Я тоже начну «петь», если на меня иголку опустить! Точно для прививок! — заспорил Пармезанов.

— Какая ерунда! Наша бабуля Снежинка каждый день такие пластинки

слушала, когда жила на даче у профессора.

— У профессора? Вы что, не в лесу живёте? — выпучил глаза Пармезанов.

— Конечно, в лесу. А Снежинку профессор из города привёз. Между прочим, она иностранка и не похожа на тёмных лесных ёжиков. Ну-ка посмотри на меня! Я вся в бабулю! У меня иголки тоже светлые, — похвасталась Снежа.

— Да! Бабуля у нас красавица! Однажды на дачу пришёл лесной ёж Шуршик. Увидел Снежинку и сразу влюбился! — Герда прижала лапки к груди и закатила глазки. — Профессор не хотел отпускать её в лес к Шуршику, но потом согласился. Это же любовь!

— Хватит болтать, вы меня сбиваете! — Снежа сидела у стопки пожелтевших от времени конвертов. — Думаете, легко найти хорошую пластинку? Вот!

Будем эту слушать! Написано: «Песня "Чёрный кот" в исполнении...»

— Вы что, читать умеете? — изумился Кузьма.

— Читать? Какая ерунда, конечно умеем, — снова начала хвастать Снежа. — Нас бабуля много чему научила. У неё профессорское воспитание, между прочим. И она...

— Не хочу я про чёрного кота песни слушать, — перебил Пармезанов.

— Какой ты привередливый! — возмутилась Снежа. — Тогда будем слушать вот эту: «Песни Фёдора Шляпина».

Ежики вытащили из конверта круглую чёрную пластинку и пристроили на малиновый круг.

— Кузя, заводи! Крути эту ручку! — важно скомандовала Снежа.

Пармезанов несколько раз повернул длинную штуковину, торчавшую в боку красного чемодана. Пластинка медленно

закрутилась, и Снежа опустила на неё иглу.

Патефон зашипел, защёлкал и вдруг запел голосом великана:

*Из-за о-острова на стре-е-ежень
На просто-о-ор речной волны-ы-ы...*

— Миу! — Пармезанов подпрыгнул от неожиданности и спрятался за корзину.

Страшный голос продолжал рассказывать, как какой-то Стенька Разин катал на лодке персидскую княжну. Ёжики зачарованно слушали. Но песня закончилась печально:

*Мо-о-ощным взмахом подни-а-ает
Он крас-а-а-авицу княжну-у-у
И за бо-о-орт её броса-а-ает
В набежа-а-авшую волну-у-у.*

Помолчав, Герда сказала:

— Хорошая песня! Громкая! Только я ничего не поняла. Снежа, зачем он её за борт выбросил?

— Ежу понятно зачем! Характер плохой оказался. В лодку уселась и давай ворчать, вот и выбросил, — объяснила Снежа и повернулась к корзине: — Кузя, заводи патефон. Я хочу ещё раз послушать, как её выбросили.

Когда великан начал песню, Пармезанов замер, вслушиваясь, и вдруг тоненько заголосил:

— Миу-миу-у миу-ми-у-у-у! Миу-миу-у-миу миу-миу...

Ежики изумлённо переглядывались, а кот, прикрыв глаза от старания, продолжал петь вместе с Шаляпиным.

Последний куплет он исполнил почти басом:

— Мау-мау-у-у мау-ма-у-у-у...

— Кузя, у тебя такой толстый голос? Из живота? У меня иголки дыбом встали! — восхитилась Герда.

— Ерунда какая! Я громче петь умею! — фыркнула Снежа. — Кузя, заводи патефон!

— Из-за о-острова на стре-е-е-жень. — запел Шаляпин.

— Мау-ма-ау-у-у! — басом подхватил Пармезанов.

— Фыр-фыр-фыр и фыр-фыр-фыри! — старалась всех перекричать Снежа.

— Ах! — пискляво восклицала Герда в конце куплета.

Это было чудесно. Кричать вместе с Шаляпиным даже грустную песню было весело, и они повторили ещё раз. И ещё раз... И ещё. И... у Пармезанова вдруг пропал голос.

— Ой, я даже пищать не могу, — сипящим шёпотом пожаловался он, закрыл чемодан и задвинул под полку. — Патефон лучше убрать, чтобы Бабушка не ругалась.

— А наша бабуля Снежинка не ругается из-за всякой ерунды, как твоя, — сказала Снежа.

— Не моя она.

— А чья?

— Не знаю. Меня на двенадцать дней прислали. Мышей ловить и массаж делать, — прошептал Пармезанов. — Скоро уеду.

— Жалко, что уедешь, — сказала Герда, но тут же хихикнула: — Значит, тот огромный кот тоже приезжал массаж делать? Такой воображуля. Залез на буфет и не захотел с нами играть.

— Да! Ерундовский кот! Хорошо, что его на тебя поменяли. Ты сразу стал играть с нами в полицию. Кричал «Стоять! Вы арестованы, гражданка крыса! Лапы вверх!» — похвалила Снежа.

— А ещё пищал, как полицейская машина: «Миииу-миииу-миииу»! Мы такое кино по телевизору видели! — подхватила Герда.

— По телевизору? У вас в лесу и телевизор есть? — у Пармезанова от удивления снова появился голос.

— Нет, конечно. Мы иногда его здесь смотрим. Из-под дивана. А некоторым котам разрешают на диване смотреть, — завистливо вздохнула Снежа, заглядывая в старую конфетную коробку. — Как страшно жить, всюду сплошной обман! Написано «Конфеты "Белочка"»! А в коробке никаких конфет и никаких белочек! Только катушки с нитками. Кузя, а когда мы будем обедать конфетками?

